

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МУЗЕЙ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН**

ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Материалы Международной научной конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения
члена-корреспондента АН СССР, профессора
Александра Андреевича Спицына.**

Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г.

**Под редакцией
*Е. Н. Носова, И. Л. Тихонова***

**Издательский Дом
С.-Петербургского государственного университета
2008**

УДК 902.2: 930.2

ББК 63.4(2)

И 90

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук Г. В. Длужневская, О. А. Ляхова (ответственный секретарь), член-кор. РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, член-кор. РАН Е. Н. Носов (ответственный редактор), канд. ист. наук И. Л. Тихонов (ответственный редактор), д-р ист. наук Д. Г. Савинов, д-р ист. наук И. В. Тункина

Рецензенты:

д-р ист. наук *Ю. В. Кривошеев* (СПбГУ),
канд ист. наук *Н. И. Платонова* (ИИМК РАН)

Печатается по решению

Ученого совета Исторического факультета

Санкт-Петербургского государственного университета

И 90 История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / Отв. ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. — СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, 2008. — 400 с.

ISBN 978-5-288-04712-1

Настоящее издание содержит материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения крупнейшего российского археолога, члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына (1858–1931) и состоит из трех разделов. Первый посвящен страницам биографии и изучению наследия выдающегося ученого. Второй раздел содержит материалы, освещающие различные аспекты истории археологической науки в России XIX–XX вв. В третьем разделе собраны публикации отражающие результаты современных археологических исследований.

Сборник предназначен для специалистов — археологов, историков, музейных работников, краеведов и всех интересующихся историей и сегодняшним днем российской археологии.

ББК 63.4(2)

ISBN 978-5-288-04712-1

© Коллектив авторов, 2008
© Исторический факультет
С.-Петербургского университета, 2008

С 2008 г. количество часов на археологию по новому образовательному стандарту уменьшено до 44 против 60. Об археологической практике в новом стандарте ни слова. Жаль. Это скажется не только на уровне исторического образования студентов, но и на состоянии охраны памятников археологии. Ибо учителя на местах, кто добросовестно относится к своему делу, радуют за него, нередко выступают проводниками идеи бережного отношения к историческому прошлому, к памятникам археологии.

Список литературы:

- Гэйман, Д.* Эффективная работа мозга / Д. Гэйман, А. Брэгдон. М.: Изд-во Эксмо, 2002.
- Колединский, Л.* Верните нам практику / Л. Колединский // Беларусь сегодня. 2006. 28 июля.
- Монгайт, А. А.* Археология в СССР / А. А. Монгайт. М.: АН СССР, 1955.
- Цойгнер, Г.* Учение о цвете / Г. Цойгнер. М., 1971.
- Щавелев, С. П.* Последний романтик краеведческой археологии (к 90-летию со дня рождения Ю. А. Липкина) / С. П. Щавелев // Российская археология. 1995. № 3. С. 213–219.

Красноперов А. А.
(Ижевск)

Вопросы изучения периода конца раннего железного века — начала средневековья в Прикамье

Период конца раннего железного века — начала средневековья в Прикамье явление весьма своеобразное, и, прежде всего, в историографическом плане. С одной стороны, мы имеем устоявшуюся традицию изучения, восходящую к работам А. А. Спицына, А. П. Смирнова и В. Ф. Генинга, с другой — а что мы действительно знаем об этом времени?

На мой взгляд, можно выделить лишь два периода изучения, первый из которых связан с именем А. А. Спицына. А. А. Спицын одна из 2–3-х знаковых фигур в археологии железного века Прикамья, а вплоть до середины XX в. вообще единственная. На его исследованиях долгое время базировались все работы, посвященные типологии, хронологии и определению культурной принадлежности древностей этого периода. Начи-

ная с 50-х гг. работами на новостройках объемы материалов значительно выросли, но труды А. А. Спицына не потеряли своей актуальности годов до 70–80-х. В этом смысле «спицынский» период в Прикамье можно продлить до последней даты (выход монографий А. Х. Халикова, В. Ф. Генинга, позднее, Р. Д. Голдиной). Определенное недоумение вызывает тот факт, что, на самом деле, материалы А. А. Спицына до сих пор никем не изданы: ни результаты раскопок (коллекции), ни архив («спицынские папки»). Исключение — выборочная публикация М. Г. Худякова по Ныргындинским могильникам. М. Г. Худяков, хорошо зная материалы раскопок А. А. Спицына, всегда подчеркивал многочисленные, постоянные и разнообразные южные контакты населения Прикамья. Поэтому «спицынский» период можно охарактеризовать и как период оценки культуры «местного» населения как составной части общих процессов развития культур в Европе.

Иначе выглядит следующий период. Там уже нет единства мнений, и выделяются 4 основных центра, соответствующие административно-территориальному делению государства. Исследователи в трех из них (Казань, Уфа, Пермь), в продолжение традиции, также подчеркивают роль южных связей Прикамья (см. работы Д. Г. Бугрова, В. В. Овсянникова, С. Н. Коренюка с соавторами). В четвертом (Ижевск) ситуация прямо противоположная. Одинаковые вещи имеют различное «значение»: если в одном случае они являются показателем контактов, то в другом, являются просто «вещами», равными остальным, «местным» по происхождению. Особенно ярко эта ситуация проявляется в вопросах хронологии.

До сих пор практически непреодолимой преградой являются территориально-административные барьеры — большинство работ написано лишь на основе находок с одной территории, учеными из Удмуртии практически не привлекаются данные с памятников Башкирии, и наоборот. Во многом аналогична ситуация с изучением азелинских памятников — географический фактор также позволяет выделить три центра: Казанский, Йошкар-олинский и Ижевский.

Основной, и до сих пор нерешенный, спор ведется вовсе не о конкретных проблемах, а о наименованиях культур, и их верхних хронологических границах. Сами вопросы хронологии решаются весьма специфично — никак. По хронологии пьяноборской культуры кроме монографии В. Ф. Генинга 1970 г. по материалам, собранным до 1958 г., есть только три работы Б. Б. Агеева (Агеев 1976; 1992; 1993). Но две самостоятельные периодизации, не стыкуются между собой. Обе периодизации осно-

ваны на корреляции материалов могильника Чеганда II, практически не привлекаются материалы «новых» (после 1975–1976 гг.) раскопок. Б. Б. Агеевым была приведена самостоятельная типология бус, которая совершенно не стыкуется с «классической» Е. М. Алексеевой и из дальнейшей разработки эта категория находок полностью выпала. Данные по фибулам Сасыкульского могильника позволили сделать интересные выводы о росте памятника и последовательности совершения захоронений, но на хронологию не повлияли.

По хронологии кара-абызской существуют две работы А. Х. Пшеничнюка (Пшеничнюк 1973; 1993), и серия работ В. В. Овсянникова, появившихся в последние годы (Овсянников, 2006а; 2006б; 2007; Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев 2007). Хронология у названных авторов строится на стратиграфии и планиграфии расположения погребений. В комплексах представлены находки фибул, бронзовая римская посуда, многочисленные и разнообразны бусы, зеркала. Но для создания хронологических шкал они не привлекаются. В коллекциях старых раскопок и отчетах содержится огромный объем информации, который во многом бы повлиял на существующие мнения.

Азелинские материалы после В. Ф. Генинга практически никто не изучал. Есть статьи Н. А. Лещинской (Лещинская 1995; 2002), по меньшей мере, одна из которых специально посвящена вопросам хронологии. В ней присутствуют иллюстративный ряд и текст, которые не имеют перекрестных ссылок, и совершенно невозможно понять какие предметы к какому комплексу относятся. У автора, вероятно, были основания для выделения стадий, но они никак не представлены в печати. Достаточно многочисленный привозной материал (фибулы, бусы, изделия из халцедона) в хронологических комплексах представлены, но не как основа хронологии, а как сопутствующие предметы. Данные по нижнекамским памятникам не привлекались.

По мазунинской культуре Т. И. Останина собрала весь материал, накопленный до 1983 г. (Останина 1983), на основании чего ей удалось построить стройную логичную схему. Но материал к 1997 г. обновился, а в монографии (Останина 1997) он не использован, кроме того, с тех пор изменились некоторые базовые установки, даты, на которых строилась хронология, что тоже не учтено.

Можно констатировать, что изучение древностей рассматриваемого периода имеет долгую историю, но в содержательном плане мы имеем очень мало. В большинстве случаев новые работы ставят целью поиск

«подтверждений» имеющимся концепциям. Можно, конечно, утверждать, что все зависит от публикаций материала, но для большинства культур это неверно. Слабо представлены в печати комплексы кара-абызской и азелинской культур, но для остальных материал опубликован, и с ним вполне можно работать.

В качестве образца можно назвать деятельность коллег, занимающихся вопросами истории и культуры сармат, черняховцев, средневекового населения Кавказа и Европы. Специалисты по указанным «культурам» давно перестали ориентироваться на какие-либо административные и географические границы.

В нашем случае имеет смысл не только отбросить административно-политические барьеры, но и забыть об уже существующих схемах развития, последовательности и взаимодействия культур. Речь идет о периоде последних веков до н. э. и до конца первого тыс. н. э. Для этого времени мы обладаем достаточным накопленным материалом, который позволит выделить не отличительные особенности локальных «культур», а их сходство. Рассмотрение столь обширного периода представляется целесообразным в следующем аспекте. Территория Прикамья (в широком смысле) — зона постоянных контактов. В археологической литературе об этом постоянно упоминается, но реально отсутствует. В развернутом виде она представлена в работах этнографов (Кузеев 1992). Прикамье оказалось в некотором смысле проходным двором, либо для самихдвигающихся по степи племен, либо для тех, от них и впереди них. А это позволяет связать изменения в регионе с общемировыми политическими событиями.

Ведущую роль в хронологии древностей степей Восточной Европы раннего железного века играют античные импорты (фибулы, бусы, металлическая и стеклянная посуда), служащие датирующими реперами. Соответственно, для периода средневековья к ним добавятся монеты. Датировки этих категорий находок наиболее точно определены как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

К настоящему моменту в музейных собраниях Прикамья накоплен огромный материал, который в реальности не вписывается в существующие типологические, хронологические, торговые или иные схемы. Все это требует нового осмысления, причем «с нуля». По-видимому, чтобы разобраться во всех вопросах необходимо вообще отказаться от имеющихся определений и культурных атрибуций (еще одной характерной чертой прикамской археологии является многочисленность названий для одних и тех же памятников). Только обработка материалов на фоне ши-

рокой панорамы синхронных культур Евразии и с учетом современных хронологических схем может дать результаты.

*Павлова М. С.
(Санкт-Петербург)*

**Л. К. Ивановский —
исследователь Петербургских курганов**

Лев Константинович Ивановский оставил заметный след в славяно-русской археологии северо-запада России. Его раскопки в С.-Петербургской губ. на Ижорском плато и прилегающих территориях до сих пор остаются самыми масштабными. Однако, будучи знакомыми, с результатами деятельности этого человека мы мало что знаем о нем самом.

Лев Константинович Ивановский происходит из дворян Казанской губ. Он родился в марте 1845 г. Среднее и высшее образование получил в Петербурге. После окончания 3-й гимназии в 1864 г. поступил в Императорскую Медико-Хирургическую Академию (современная Военно-Медицинская Академия), где все время студенчества занимался при кабинете описательной анатомии под руководством Ф. П. Ланцера. Завершив обучение в 1869 г. с золотой медалью и премией Иванова, он был оставлен при Академии на три года «для усовершенствования».

Фактически со второго курса, он исполнял обязанности прозектора (официально назначен на эту должность в 1871 г.) (Ежегодник Императорской... 1896. С. 72; 1899. С. 72). Кроме прозектуры при Академии, Л. К. Ивановский занимал ту же должность на Высших женских врачебных курсах, а также читал лекции по анатомии после ухода Ф. П. Ланцера и до закрытия самих курсов. Временно преподавал анатомию на Рождественских курсах акушеров и фельдшериц и на акушерских курсах Повивального института.

После закрытия в Медико-Хирургической академии кафедры Описательной анатомии Л. К. Ивановский перешел в сентябре 1880 г. на кафедру Оперативной хирургии и топографической анатомии к профессору П. П. Пелехину на должность прозектора, но уже 20 ноября 1881 г. подал прошение об увольнении из Академии (Таренецкий 1895). Затем он работал врачом в клиниках военных госпиталей в Петербурге и Варшаве, с 1883 г. младшим врачом 22-й артиллерийской бригады, 1-го ре-